

СОВЕТСКОГО Союза в том виде, в каком он был раньше, больше нет. Радостный экстаз после победы, после напруги августовских трех дней довольно быстро сменялся тревожным ожиданием: что будет?

«Политические» синаптики» общают «тревожную зиму». В коротких строчках информационный передан постоянно присутствуют предостережения, что будет еще хуже. Не осознавая, какой в этом резон, зачем восславлять и без того воспламененное массовое сознание, зачем нужно нагнетать и без того напряженную обстановку!

Что проку, что телевизионный экран не дает продюсеру от отрицательных эмоций, все уже привыкли, что телеинформация (как и газетная) содержит множество ошибок, каждый день слышишь опровержения: то, о чем сообщили вчера,— не подтвердилось. Получившие известность телезвезды публицистического экрана резко шельмуют Горбачева, нечисто позавидуют, что, если бы не он, не было бы ни их, ни тех несчастливых перемен, которые в историческом разрезе имеют великий смысл для страны, переживающей катастрофический момент. Политическая жизнь набирает скорость, уже не пугая, а реально демонстрируя, кажется, неразрешимые конфликты, внутри которых страдает человек.

Развал империи — дело хорошее, хотя не вредно и поразмыслить, что за ним стоят люди, для которых этот развал есть конец более-менее налаженного быта. Старые структуры разрушены, новые пока отсутствуют, они только создаются в обстановке очевидной катастрофы. Коммунизм — мерта, у нас теперь нет ни федерации, ни конфедерации, мы живем в «асимметричной стране», державой ее уже не назовешь, республика и ней меньше, чем нация и народность, люди оказались сами себе.

Только что вернувшись из Литвы, сохраняя память об убийственно добром, как никогда прежде, отношении литовцев к приехавшим из Москвы. Трезвые головы понимают, что татянина и русской культуре свойственно не только «иностранно» меньшинству, но и литовской интеллигенции, прожившей пятьдесят лет внутри Советского Союза. Исторически сложились свои культурные контакты, теперь надо найти дружескую интонацию при всех преобразованиях. Эти взгляды вызывают раздражение националистически настроенных кругов. Грядущий день — несенс. У истории свои сроки, но как быть людям искусства? Что делать театру? В этой атмосфере на что опереться?

Российское правительство по праву заполняет вакуум, образовавшийся в итоге развала союзных властей. Малый театр впервые переживает так згуд республиканского Министерства

Виталий Вульф

Москва
Театр Самой

Театр у открытых ворот

Худьтура. - 1991. - 50км - 910.

лей России. Пять лет назад очередного съезда ждали, и громкое слово Олега Ефремова о создании Союза театральных деятелей сыграло свою историческую роль. Теперь все изменилось. Если долуча за кулисами еще можно было услышать всех волнующих вопросы: «почему Ульянов слушает одних и не прислушивается к другим?», «почему так много ездит за границу секретари правлений?», «почему исторический экстаз некоторых из них пугает руководство СТД?» и т. д., то сейчас все обозначено другим. Шелуха невольно отбросила, промучивающие тона отсутствуют, маски в сегодняшней жизни никому не нужны. Очевидно, что Союз театральных деятелей должен стать прежде всего профессиональным союзом, защищающим интересы людей театра. СТД, в первую очередь Ульянов, добился выплаты надбавки к пенсиям для членов союза, и этот реальный факт во многом перевешивает все недостатки театральной массы по поводу того, что «в орбите» руководства одни и те же лица, что безработица, вымолившись киллеры, отдельные секретари, возмущающих, что они застряли судьба советского театра, нисколько не заботясь о том, что союз оплачивает все из своего кармана. Стоит ли перечислять список претензий, увы, они будут всегда, это свойство человеческой породы. Ныне экономические условия диктуют реальность дня. Прошлое надо осмыслить, но думать надо о будущем, а не о том, что уже произошло: разделение МХАТа, Театра имени Ермоловой, крах Театра на Малой Бронной, кризис Театра имени Пушкина, ненужные гастроли за рубеж тех студий, которые только-только выпулились из гнезда на узкую тропинку профессионализма. Театры переходят на контрактную систему. МХАТ имени Чехова уже перешел. Воздух сцены насыщается элентричеством.

МЫЕ ПОКОЛЕНИЕ выросло в эпоху, когда главные режиссеры создавали или, точнее, строили театры: Ефремов — «Современник», Тоастионов — БДТ, Любимов — Таганку. На глазах Захаров возродил «Ленком», Додин — Малый драматический, что обновился начал еще в 70-е годы Ефим Падее, столь трагически закончивший свою жизнь. Сегодня осталось мало художников, способных возбудить повести за собой актерские коллективы, не дать им превратиться в инертную массу, которая режиссеров, ощущающих искусство как ремесло, родителем, а не творческим

чающиеся скорее своей судьбой, чем театрами, которые они не создали. Скажем, рекламируется «Театр Романа Виктюка», но ведь такого театра пока нет, есть «фирма», «деловая контора», «реакция», «организующая на разных сценах «прокаты спектаклей», поставленных этим ярким режиссером с актерами разных театров Москвы. На них не приходится думать о кризисе театра. Она отстранилась и когда видны толпы, стекающие на поиски лишнего билета на спектакль. Накрошася «Нос», вне зависимости от того, удача это или поражение режиссера, придавшего талантливому мировому движению острый антирусский оттенок, характерный для настрений в Литве в доагустовский период.

Работы Э. Накрошася, К. Гинкаса, А. Васильева свидетельствуют о стремлении к поиску театрального стиля, сущностной театральности того, что они творят. И, право, не имеет никакого значения, когда театрально объявляется лучшим спектаклем московского сезона работа режиссера Ю. Горбегановича, имеющего немало почитателей, — гораздо важнее утвердить пошатнувшееся доверие к критическому слову.

В режиссуре сегодня немало «вольных» птиц, особенно тех, кто исповедует вызывающую нетеатральность, а художники — единички, как всегда. Виктюк и Гинкас радуют нас своими работами. Васильев — это уже легенда, его спектакль в Москве сейчас нет, есть сообщения о премьерах, поездках за рубеж, выступлениях на международных фестивалях, в Париже он готовится к постановке в «Комеди Франсез» «Маскарады» Лермонтова, репетиции начнутся в марте 1992 года. К сожалению, ни Васильев, ни Виктюк, ни Гинкас не видят для себя возможности найти высшую театральную красоту в стабильных театрах, во всяком случае постоянно в них они не работают. Что-то здесь не устраивает их, вступает в противоречие с их художественными идеями, хотя, если разобраться, все гораздо сложнее.

А тем временем в Москве живут и работают Малый, театры имени Вахтангова, Маяковского, Моссовета, «Современник», театр сатиры — и это не просто названия, за каждым из них — история, традиции, удачные поражения.

КОНТРАКТНАЯ система — за последние годы, но он рождается во вне театральные практики. Актеры станут относиться к театру как к месту своего временного пребывания,

чувство сопричастности общему делу исчезнет, взаимоотношения театрального руководства с актерами будут поставлены на старого деловую основу, как на Западе. Только на Западе почти нет театров, а есть спектакли и отдельные талантливые имена.

Контрактная система не избавит театр от пристрастий и несправедливостей. Сегодня все так устали, всем так все надоело, что примут любую реорганизацию. Да, она даст руководству обширные права, легче будет избавляться от тех, кто не нужен, кто изжил себя, хотя важнее «спокойно и совместно разлагать острые столкновения». Театр сам по себе — организм «полуприродный», в нем всегда находятся силы, «прорывающие» парадигмы. Что помешало Вахтангову, когда он ушел из «Современника», где удачно и счастливо работал, создать театр? «Разжигательные стимулы» (выражение Вл. Немировича-Данченко). Они были не только в труппе, но и в нем самом. Это очень трудно научиться трезво относиться к самому себе. Легче ездить по миру, создавать «центры» — Майерхольда, Станиславского, Таирова, организовывать фестивали, семинары, встречи, чем вести свое театральное дело. Кто спорит? Нужны и «центры», и фестивали, без общения не вырабатываются терпимость, интеллектуальный опыт, не рождаются стимулы творчества, но все это имеет смысл, если не человеческим, а профессиональным. Быть во главе театра — значит быть не только умным и талантливым, но и человечным, и прощательным, и беспристрастным, и все это требует гигантских нравственных усилий. Общая профессиональная культура сплывет годами, и очень опасно создание контрактной системы, при которой внутренняя привязанность актера к театру может быть поколеблена.

Когда-то в старом Художественном театре было особенно остро развито это чувство сопричастности общему делу. Сколько «пустых сезонов» знала Качалов, Киннер-Чехова, Леонидов, Лилина, Еланская, Андреевская, Добронравов, но ни у кого из них даже мысли не возникло изменить своему театру, нарушить его правила, как бы горько ни складывались их судьбы в отдельные сезоны. В 50-х годах, когда молодые артисты решили создать театр-студию и назвали его «Современник», они не соединили с ним свою судьбу. Так поступили Волочин, Толмачева, Каша, Дорошина, Иванова, Фролов, и они сохранили те

атр. Ушел Ефремов, покинули театр Евстигнеев, Лаврова, Мягков, Вертинская, а «Современник» выжил, и, сколько бы его ни упрекали, ему не занимать художественной определенности, и он не критический над залом при всем кризисе идем, с которой он начинал.

Если окинуть самым поверхностным взглядом ушедшее время, то из него незримо возникнут Анатолий Эфрос со своей «академией», Акимов с его театром комедии, старый МХАТ, вахтанговцы, когда у их руля был Рубен Симонов. То были живые театры, актеры чувствовали себя защищенными, руководители с неутомимым терпением «исследовали» труппу при всей драматичности опасных политических и театральных поворотов.

Сегодня мир стал холоден и напряжен, коммерческие интересы выдвигаются на первый план, общая политическая и нравственная ситуация не объединяет, а разводит людей. Актерам очень неуютно жить.

Сколько сумрачных некрологов можно написать по поводу несостоявшихся актерских судеб! Для того не надо заниматься древней историей. Что сыграли за последние десятилетия Галина Пашкова или Антонина Гунченко в Театре имени Вахтангова? Часто ли выходит на сцену Юлия Борисова или Ирина Купченко, тонкая, глубокая актриса? Кого изволевала отставленность от театра Ольга Яковлевич? Разве что критик Николай Гусев написал о ней воспоминание, придав тексту ностальгическую остроту. А Яковлева — живой человек, и ей нужен театр, как и она ему. (Свидетельство тому — изящное и сдержанное интервью, которое она дала «Советской культуре»). Незаметно ушла с «Малой Бронной» Людмила Богданова, знавшая немало удач, работавшая с Эфросом. Почти не занята в репертуаре Театра имени Моссовета действительно современная Валентина Тализина. Давно не радовала творческим подъемом Мягков и Тараторкин, Любимин и Калитин, редко появляется на сцене талантливейшая Екатерина Васильева, ушла из МХАТа Вертинская, теперь она предоставлена самой себе, ушла из Малого Ирина Печерникова, и никого это не возмущало. Нигде нет такого богатства актерских дарований, как у нас, а мы продолжаем писать о кризисе, актеры уходят, разбегаются. То, что уехало в Израиль М. Козаков, было посвящено во всех средствах массовой коммуникации, его отъезд был посвящениям телепередачам, как будто кто-то незримо призвал поступить по его при-

меру. А насущная проблема актерской занятости при полной готовности нещадно растрачивать свою актерскую энергию остается вне поля зрения.

НАЧАЛСЯ сезон. Что сегодня интересует зрителя? Предчувствия или воспоминания?

Плохо на «Таганке», на «Малой Бронной», в сложное положение поставлены труппы, зависящие от «собственных планов» первых актрис. А в «Сатирике» — полно, у вахтанговцев — явное оживление, в «Современнике» — ажиотаж. Видно, потребность в театре не умерла.

Вахтанговцы показали премьеру «Государь ты наш, батюшка», сцены из пьесы Ф. Горького «Детство». Спектакли поставил П. Фоменко. Мрачный эстетический ряд, неожиданная трактовка Петра Первого (М. Суянова) и черныш Алексис (С. Макашицкий), грубость лексик, нарочитая жестокость могут оттолкнуть зрителя, в антракте уходят, тем более что разрушение стереотипов происходит всегда безболезненно. Но режиссером предложен высокий уровень интеллектуального диалога с залом. Русская история взята под знаком вымысла. Мережковского, под влиянием которого находится автор пьесы, Фоменко обращается в сегодняшний день и строит спектакль с присутствующей ему воодушевленностью.

«Мартовские иды», постановление А. Кашева, и новый спектакль П. Фоменко — свидетельства, что театр жив и предлагает серьезный репертуар. Сколько раз за последние годы хоронили его, отказывали ему (и не без основания в отдельных случаях) в сохранении актрисе — эмоционального вахтанговского стиля, сколько субъективных оценок вписывали в его театральную историю, выдвигая на первый план роль В. Вагнериной и Д. Дорникова в жизни театра в 30-е годы и забывая о роли А. Орочко и Е. Алексеевой. Долго, мучительно, грубо расставались с Е. Симоновым — расстались. Теперь — недовольство Ульяновым, его не понимают, расходятся акценты, из обихода ушли корректность и уважение, исчезла особая атмосфера интеллигентности, которая так полюбилась кулисам в Театре Вахтангова, куда в впервые попал, читая лекции для коллектива, почти двадцать лет тому назад. А между тем именно Ульянов, а не кто-нибудь другой, собрал в театре сильных, высокопрофессиональных, талантливых режиссеров — Фоменко, Каш, Виктюк, Чернышков.

Д. сложность театральные взаимоотношения не изжиты. Но последними работами вахтанговцы доказали, что способны бросить вызов тем, кто пророчесствует о кризисе и распаде театральной культуры.

Живым оказался и театр сатиры, его после смерти Миронова и Папанова почти списали в распад. В конце сезона Плущев показал «Идеальный муж» Оскара Уайльда, а сейчас театр выпустил сложную пьесу американского драматурга А. Копита «Папа, папа, бедный папа! Ты не вылезешь из шкапа». Ты повесил нашей мамой между плятьем и пикетом. Автор остроумно иронизирует над универсальным нигилизмом, приписываемым глупым и жестоким жизни как таковой, вместе с тем пьеса написана в откровенно фарсовом манере, в ней много выдумки, озорства и мрачного юмора. Талантливый актер М. Зонненштрал выступил на сей раз в роли режиссера, для утверждения себя в этом качестве он выбрал непосильно грудной материал. Ему очень помогают актеры. Нагнетание ужасов, гротескность образов служат у А. Копита целям пародии, и это удивительно ощутил О. Арсеев и В. Гарклин, легко и изящно меняя ритмы и раскрывая свои режиссерские возможности.

Эти и другие маленькие островки удач, разбросанные по театральному Москве, — знак того, что традиционный театр, обранный и много переживший, способен доставлять людям радость. Он пытается противостоять натиску истории, которая обрушивается на него и способна его снести. Высшей ценностью почитается практическая целесообразность, а целесообразность момента не всегда совпадает с потребностями искусства, составляющего славу России еще в те времена, когда рядом с «контрактной» системой на зависть антрепренерам зарождалось искусство Художественного театра. И все-таки власть театра как такового не умерла, его любят и ценят почитатели, он может быть любой — поэтический, психологический, авангардистский, но всем нужна профессиональная культура, а она складается десятилетиями, и ее надо собирать.

Тон театры задают актеры, и чем больше в них будет разнородности, тем больше будет коллективу, с которым связаны их жизни, тем полнее они выразят себя в том воздухе, сны, который ныне сильно замутнен коммерческими проектами, коммерческими поездками, всем тем, что пришло в нашу жизнь и что мешает родиться музыке в душе.